

УИЛЬЯМ

БЕРРОУЗ

ДИКИЕ
МАЛЬЧИКИ

18+

Уильям Сьюард Берроуз

Дикие мальчики

Серия «Лондонская трилогия», книга 1

Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50194994

Уильям Берроуз. Дикие мальчики: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111017-8

Аннотация

«Дикие мальчики, или Книга мертвых», первый роман «лондонской» трилогии, куда входят также «Дезинсектор» и «Пристань святых», повествует о группе подростков-мародеров, терроризирующих города Северной Африки. В гротескном, романтическом, кошмарном шедевре Берроуза технологии, плоть и насилие проникают друг в друга, сливаясь в вакханалии взаимного уничтожения.

Это произведение вдохновило группу Duran Duran на создание одноименной знаменитой песни с альбома «Arena».

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Уильям Берроуз

Дикие мальчики

William S. Burroughs

THE WILD BOYS

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

© William S. Burroughs, 1970

© Перевод. А. Комаринец, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Уильям Берроуз – король и классик англоязычной альтернативной прозы, автор, имя которого не нуждается в пояснении. Человек-эпоха, человек-стиль, который был способен рассказать о себе много больше, чем его кто-нибудь смел спросить.

Дядюшка Матэ улыбается

Камера – глаз стервятника, неспешно парящего над зарослями чахлых кустов, горами битого кирпича и недостроенными зданиями на окраине Мехико.

Остовы пятиэтажных зданий без лестниц, без стен... импровизированные жилища сквоттеров... этажи соединены приставными лестницами... лают собаки, кудахчут куры... когда камера проплывает мимо, мальчишка на крыше делает непристойные жесты, как будто дронит.

Приближаясь к земле мы видим тень от наших крыльев... подвалы заросли колючими сорняками, ржавые прутья торчат из растрескавшегося бетона стальными растениями, битые бутылки сверкают на солнце... комиксы цвета дерьма... индейский мальчик сидит у стены, подтянув к груди коленки, и ест апельсин, припорошенный красным перцем.

Камера поднимается, наплывает на многоквартирный дом красного кирпича, облепленный балконами, на которых пестрые – пурпурные, желтые, розовые – рубашки сутенеров полощутся, точно знамена средневековой крепости. На балконах мы мельком видим цветочные горшки, собак, кошек, кур, козу на привязи, обезьяну, игуану. Vecinos¹ перегибаются через перила, обмениваясь сплетнями, передавая рас-

¹ Соседи (исп.). – Здесь и далее примечания переводчика.

тительное масло, керосин и сахар. Взаимозаменяемые статисты разыгрывают набивший оскомину фольклорный сюжет.

Камера поднимается к верхним этажам здания, на фоне неба – силуэты двух балконов. Балконы расположены не точно один над другим, верхний чуть уже. Здесь камера останавливается... СНЯТО.

Яркое ветреное утро, в небе полумесяц цвета голубого фарфора. Maricon² Хоселито, сын Тетушки Долорес, прислонил зеркало к бочке для дождевой воды и на утреннем ветру сбрасывает длинные шелковистые волосы на груди, напевая:

– NO PEGAN A MIO (НЕ БЕЙТЕ МЕНЯ)!

От этих невыносимых звуков звенят ложки на блюдах и вибрируют оконные стекла. Vecinos недовольно ворчат.

– Es el puto que canta³.

– Сын Тетушки Долорес.

Какая-то тетка крестится. Молодой человек расстроено скатывается с жены.

– No puedo con eso puto cantando⁴.

– Это же сын Долорес. А у нее дурной глаз.

Лицо Хоселито, поющего NO PEGAN A MIO, проецируется на стену в каждой комнате. В кадре – старый паралитик, и в нескольких дюймах от его лица изо рта Хоселито вырывается рев: NO PEGAN A MIO.

² Педераст (*исп.*).

³ Это педик поет (*исп.*).

⁴ Не могу, пока этот педик поет (*исп.*).

– Не забывай, он же сын Тетушки Долорес.

– И один из «котят» Лолы.

Старая Тетушка Долорес держит уличный киоск, торгует газетами и табаком. Сыночка ей явно заделал кто-то из клиентов.

На верхнем балконе – Эсперанса, она недавно пришла с гор, поскольку мужа и всех ее братьев посадили в тюрьму за выращивание опиумного мака. Это могучая баба с ручищами, как у борца, вечно скалит выпирающие зубы. Вот она перегибается через перила балкона:

– Puto grosero, tus chingoa de pelos nos soplan en la cocina!⁵

В кадре волосы падают в суп и посыпают омлет, как молотые специи.

Словечко «ебанные» задевает Хоселито. Он резко поворачивается, нечаянно порезав грудь. Мучимый горем, он зажимает рану – точь-в-точь умирающий святой на картине Эль Греко. Потом ахает:

– Mamacita!⁶

И опускается, капая кровью на красные плитки балкона.

На его стон из своего логова под лестницей, из крысиного гнезда из старых газет и журналов вылезает Тетушка Долорес. Ее «дурной глаз» прибывает и убывает в соответствии с движением планет, и каждую ночь она по много часов проводит за расчетами, устроившись в своем «гнезде», пыхтит

⁵ Педик похабный, твои ебанные волосы летят нам в еду! (исп.)

⁶ Мамочка! (исп.)

и чирикает, и корябает заметки в блокнотах, громоздящихся у кровати вперемешку с журналами по астрологии... «Завтра мое полуденное око войдет в полную силу...» Таблица ее «силы» так выверена, что она всегда должна иметь точные день, час, минуту и секунду, чтобы наверняка знать, какой глаз в асценденте, и для того таскает с собой на ремешках и цепочках уйму будильников, наручных и солнечных часов. Она умеет заставить оба своих глаза выделять разные штуки: например, вращать одним глазом по часовой стрелке, а другим – против или вывалить одно глазное яблоко на щеку в сеточке воспаленно-красных вен, а другое упрятать в загадочную серую щель. Недавно она вывесила расписание для «*ojo dulces*»⁷ и приобрела некоторую известность как целительница, хотя Дядюшка Матэ говорит, что предпочтет десяток ее «дурных глаз» одному «ласковому». Но он – ожесточившийся старик, живущий прошлым.

Тетушка Долорес – скорее грозная боевая машина, чем орудийная башня, и полагается на рассчитанное до доли секунды время и отражательное зеркало своего киоска, – она не создана для случайных стычек.

На наших подмостках появляется американский турист. Он считает себя хорошим парнем, но, когда смотрится в зеркало, брея этого самого хорошего парня, вынужден признать, мол, «чего уж, люди на меня не похожи, и я не слишком-то их жалую». От этого он испытывает чувство вины пе-

⁷ Добрых глаз (*исп.*).

ред окружающими. Тетушка Долорес плотнее стягивает вокруг себя свою злобную ауру и взирает на него с каменным неодобрением.

– Buenos dias senorita.

– Desea algo?

– Si... Tribune... Tribune Americano...⁸

Поджав губы, она без единого слова складывает газету и протягивает туристу. Стараясь не обращать внимания на то, что выделяет глазами старуха, хороший парень нашаривает мелочь. Внезапно его рука выскальзывает из кармана, монеты рассыпаются по мостовой. Он нагибается их подобрать. Ребенок протягивает ему монетку.

– Gracias... Gracias.

Ребенок смотрит на него с холодной ненавистью, а он все стоит, держа монеты в руке.

– Es cuanto?

– Setenta centavos⁹.

Он протягивает старухе песо. Она бросает монету в ящик и швыряет ему сдачу.

– Gracias... Gracias...

Тетушка Долорес смотрит на него ледяным взглядом. Турист неуверенно бредет прочь. Отойдя на полквартила, он выкрикивает:

⁸ – Добрый день, сеньорита. – Чего хотите? – «Трибюн»... американскую «Трибюн»... (исп.)

⁹ – Сколько? – Семьдесят сентаво (исп.).

– УБЬЮ СТАРУЮ СУКУ!

Он делает несколько боксерских выпадов, складывает из пальцев пистолет. Прохожие плячут на него, дети орут ему вслед:

– Сукин сын! ‘мериканец! Псих!

Двигаясь рывками, подходит полицейский.

– *Senor oiga...*¹⁰

– СТАРАЯ СУКА... СТАРАЯ СУКА...

Перед глазами у туриста красное марево, он неистово размахивает руками, на рубашке запекшаяся кровь.

Появляется беременная женщина. Просит испанское издание «Лайф». Глаза Долорес изучают живот женщины, потом стекленеют и закатываются.

– *Nacido muerto*¹¹, – шепчет Дядюшка Пепе, бочком подобравшийся к женщине.

В дни «доброго глаза» Тетушка Долорес превращает свой киоск в цветочный ларек и лучится радостью, как самая добрая цветочница на свете.

На сцене появляется американский турист, лицо забинтовано, рука на перевязи.

– А! Американский кабальеро желает «Трибьюн»! Сегодня я продаю цветы, но газету для вас приберегла.

Вокруг глаз у нее собираются морщинки, улыбка наполняет лицо мягким светом.

¹⁰ Сеньор... Послушайте... (*исп.*).

¹¹ Мертворожденный (*исп.*).

– Aquí señor, muchas gracias¹².

От газеты слабо пахнет розами. Монеты сами собой оказываются в руке у туриста. Отсчитав сдачу, она вкладывает монетку ему в ладонь, смыкает над ней пальцы.

– Она принесет вам удачу, сеньор.

Турист идет своей дорогой, улыбаясь ребятишкам, а те улыбаются в ответ... «Думаю, ради такого мы сюда и приезжаем... Эти дети... эта старая цветочница...»

Появляется женщина, родившая мертвого сына. Она пришла купить цветов на его могилу. Тетушка Долорес печально качает головой.

– Pobrecito¹³.

Женщина протягивает монетку. Тетушка Долорес вздымает руки.

– No senora... es de mío...¹⁴

Однако ее расписание требует постоянной смены декораций, аксессуаров и характера. «Мой добрый глаз слабеет с луной»... В тот день турист добирается до гостиницы чуть живой, потому что мерзкий уличный мальчишка бежал за ним от самого киоска и кричал:

– Сукин сын, puto, пидор, я подцепил триппер из твоей ебаной жопы!

Иногда в одной половине ларька Тетушки Долорес – га-

¹² Вот так, сеньор, больше спасибо (*исп.*).

¹³ Бедненький мальчик (*исп.*).

¹⁴ Нет, сеньора... это от меня (*исп.*).

зетный киоск, а в другой – цветочный, а сама она сидит посредине, чтобы газетный глаз оказался на одной половине, а цветочный – на другой. Переходить с «доброго» на «дурной» она умеет по двадцать четыре раза в секунду, даже глазные яблоки у нее скачут из глазницы в глазницу.

Окрыленная прошлыми победами, Тетушка Долорес выходит на балкон, переваливаясь, как старая жирная птица.

– Pobrecito...

Она гладит Хоселито по голове, стягивая вокруг себя силу.

– Скажи своему пидору-сынку, чтобы брился в доме!

Украдкой глянув на три пары часов, Тетушка Долорес оборачивается к этой неотесанной крестьянке, посмевавшей бросить вызов ее грозному сглазу.

– Vieja loca, que haces con tu ojos? – ухмыляется Эсперанса. – Tu te pondras ciego como eso¹⁵.

Выдохнув два слова: «ДЯДЮШКА ПЕПЕ», Долорес оседает на пол подле своего поверженного сынка. А Дядюшка Пеппе выскакивает, подвязывая спереди штаны куском измочаленной серой веревки. Его вид – пародия на добродушие, но его душу раздирают бурные ветра ненависти и невезения. Читая газеты, он тщательно смакует несчастные случаи, катастрофы и преступления, – он полагает, что это он насы-

¹⁵ Ты что своими глазами вытворяешь, полоумная ты старуха? Ты же от этого ослепнешь (*исп.*).

лает их своими «sugestiones»¹⁶. Его «магия» заключается в нашептывании многозначительных обрывков фраз из газетных заметок: «никто не спасся...», «обречен на смерть...», «пожар неизвестного происхождения...», «обугленные трупы...» Такое он проделывает в толпе, где люди невнимательны, или – еще лучше, гораздо лучше – прямо в ухо кому-нибудь, кто уснул или отрубился спьяну. Если никого нет поблизости и он уверен, что не потеряет с ноги вьетнамку, он усиливает свои sugestiones, врезав жертве по яйцам, вдавив костяшками пальцев глаз или хлопнув ладонями по ушам.

Вот мужчина спит на скамейке в парке. Приближается Дядюшка Пепе. Садится рядом и открывает газету. Наклоняется и читает бедолаге на ухо хриплым назойливым шепотом:

– No hay supervivientes¹⁷.

Мужчина беспокойно шевелится.

– Muerto en el acto¹⁸.

Мужчина трясет головой и открывает глаза, подозрительно смотрит на Дядюшку Пепе, который обеими руками держит газету. Потом встает и охлопывает карманы. Потом уходит.

А вот парень спит в скверике. Дядюшка Пепе роняет монету возле его головы. Нагнувшись подобрать ее, он шепчет:

¹⁶ Гипнотическими внушениями (*исп.*).

¹⁷ Выживших нет (*исп.*).

¹⁸ Скончался на месте (*исп.*).

– ...un joven muerto¹⁹.

Иногда vecinos отгоняют его от спящего, и он ковыляет прочь, словно старый стервятник, скаля желтые зубы в отчаявшейся ухмылке.

Вот он заметил следы пьяной блевотины, а вот и сам пьянчуга – стоит, привалившись к стене, на штанах – потеки мочи. Нагнувшись, будто хочет помочь ему подняться, Дядюшка Пепе шепчет то в одно, то в другое ухо:

– Accidente horrible²⁰...

Потом выпрямляется и визжит высоким фальцетом:

– EMASCULADO! EMASCULADO! EMASCULADO!²¹

– и трижды легонько пинает бедолагу в пах.

Он видит пьяную старуху, спящую на куче тряпья, и ладонью хлопает ее по рту и носу, нашептывая:

– Vieja borracha asfixiado²².

Вот другой пьяница заснул в опасной близости от костра. Дядюшка Пепе тычет тлеющим окурком в безвольную ладонь и, присев на корточки, вкрадчиво шепчет:

– Cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado...²³

¹⁹ ...мертвый мальчишка (*исп.*).

²⁰ Ужасное происшествие (*исп.*).

²¹ Кастрат! Кастрат! Кастрат!

²² Старая пьяница задохнулась (*исп.*).

²³ Обуглившийся труп... обуглившийся труп... обуглившийся труп... обуглившийся труп... (*исп.*)

Он запорокидывает голову и закликает сухие кусты, колючие сорняки и ветер:

– ...Cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado...

На Эсперансу он сейчас смотрит с мерзкой улыбкой.

– Ага, наша деревенская сестренка рано встает. – А сам тем временем напевает себе под нос: – Resbalando sobre tin pedazo de jabon se precipito de un balcon²⁴.

Описав огромными ручищами пренебрежительную дугу, Эсперанса плюхает на перила балкона половую тряпку, забрызгивая Дядюшку Пепе, Долорес и Хоселито грязной водой. Ухмыльнувшись через плечо, она уходит внутрь. Победенная команда на нижнем балконе зализывает раны и планирует месть.

– Если бы только заманить ее к моему киоску в двадцать три минуты десятого в следующий вторник...

– Если бы я застал ее borracho²⁵...

– А я прикажу ее пристрелить! Скажу pistoleros²⁶...

Так похвалиться Хоселито позволяют его диковинные отношения с Лолой Ла Чата. Лола Ла Чата – это трехсотфутый валун той же горной породы, что Эсперанса. Она продает героин сутенерам, вора́м и шлюхам и денежки хранит между гигантскими сиськами. С Лолой Хоселито свел один его дружок-джанки. Хоселито отплясывал фламенко, вере-

²⁴ Поскользнулась на обмылке и с балкона свалилась (*исп.*).

²⁵ Пьяной (*исп.*).

²⁶ Бандитам (*исп.*).

ща, как павлин. Лола рассмеялась и взяла его в свои «котятки». На торжественной церемонии он сосал ее багровую грудь, горькую от героина. Бывало, Лола обслуживала клиентов, а двое «котятков» сосали ее груди.

Когда Эсперанса поворачивается уходить внутрь, на балкон выскакивают шестеро сутенерского вида молодчиков, воняющих бриолином, и, перегнувшись через перила, орут оскорбления по адресу Хоселито.

Это вызывает подкрепление на пошатнувшийся нижний балкон. В сопровождении подростка Эль Моно на балкон выползает Дядюшка Матэ. Дядюшка Матэ – старый наемный убийца, на пушке у него – двенадцать зарубок-«олений». Это худой, похожий на привидение старик, и глаза у него – цвета линиялой серой фланелевой рубашки. Он ходит в черном костюме и в черном «стетсоне». Под пиджаком на тощем бедре у него одинарного действия «смит-и-вессон» сорок четвертого калибра с семидюймовым стволом. Дядюшка Матэ хочет перед смертью нанести на рукоять еще одного «оленья».

Словечко «олень» (*un venado*) пришло из предгорий северной Мексики, где тело обычно доставляют в полицейский участок, взвалив на лошадь, словно тушу оленя.

Перед нами молодой окружной прокурор, только что из столицы, и Дядюшка Матэ заглянул преподавать ему урок фольклора.

Дядюшка Матэ (скручивая сигарету):

– Я собираюсь послать вам оленя, *senor abogado*²⁷.

О. П. (думая про себя: «Что ж, очень мило с его стороны»):

– Большое спасибо, это, надеюсь, не доставит вам хлопот...

Дядюшка Матэ (прикуривая и выпуская дым):

– Совсем никаких, *senor abogado*. Всегда пожалуйста.

Дядюшка Матэ сдувает дымок с дула сорокачетвертого и улыбается.

Привозят человека переброшенного через седло. Лошадь ведет в поводу индеец-коп с непроницаемым лицом. Окружной прокурор выходит на крыльцо.

Коп (указывая кивком головы):

...un venado.

Дядюшка Матэ был любимым *pistolero* в семье богатых помещиков в северной Мексике. Семью разорили экспроприации, когда на президентских выборах она поддержала не того кандидата, и дядюшка Матэ перебрался к родственникам в столицу. Его комната похожа на аскетичную белую келью: койка, сундук, небольшой фанерный чемодан, в котором он хранит свои карты, секстант и компас. Каждую ночь он чистит и смазывает свой «сорокчетвертый». Это отличный, изготовленный на заказ револьвер, подарок от *patron*²⁸ за то, что убил «моего непутевого брата-генерала». Револь-

²⁷ Сеньор прокурор (*исп.*).

²⁸ Хозяина (*исп.*).

вер никелированный, и на стволе и барабане выгравированы сцены охоты. На рукояти из белого фарфора – две голубые олени головы. Заняться Дядюшке Матэ нечем – только смазывать пушку и ждать. Оружие поблескивает в его глазах далеким каменным спокойствием. Дядюшка Матэ часами сидит на балконе, разложив на зеленом ломберном столике карты и инструменты. Двигаются одни глаза, когда он следит за стервятниками в небе. Иногда он чертит линию на карте или записывает цифры в вахтенный журнал. Каждый год на День независимости *vesinos* собираются посмотреть, как дядюшка Матэ из своего «сорокчетвертого» снимает летящего в небе стервятника. Дядюшка Матэ сверяется с картами и выбирает себе птицу. Его голова едва заметно поворачивается то в одну, то в другую сторону, взгляд устремлен на далекую мишень, он прицеливается и стреляет: за грифом тянется с неба шлейф черных перьев. Расчеты дядюшки Матэ так точны, что одно перо плавно опускается на балкон. Это перо приносит дядюшке Матэ его Пероносец Эль Моно. Дядюшка Матэ втыкает перо за ленту шляпы. За его лентой пятнадцать черных лет.

Эль Моно вот уже пять лет пероносец Дядюшки Матэ. Он часами сидит с ним на балконе, пока их лица не сплавляются в одно. У Эль Моно свои маленькие карты и свой компас. Он учится, как подстрелить стервятника в небе. Худой гибкий паренек тринадцати лет, он лазает по стенам здания, шпиюня за *vesinos*. Он носит маленькую голубую шапочку-кифу, а

когда ее снимает, vecinos спешат бросить в нее монету. Иначе он начнет изображать, как один вдруг не смог с женой, у другого случился запор, третий лизал пизду – да с такой достоверностью, что любой может догадаться, о ком речь.

Эль Моно выхватывает взглядом сутенера. Он делает движение кулаком, точно смазывает свечу. Потеряв дар речи, сутенер облизывает губы, в глазах – дикий ужас. А потом Эль Моно изображает, как сует себе в зад свечу и вытаскивает, сует и вытаскивает, оскалив зубы, вращая глазами, и выдыхает судорожно:

– Sangre de Cristo...²⁹

Сутенеру засадили при всем честном народе.

Вскочив на ноги, Хоселито отплясывает победное фанданго. Благоговей перед Дядюшкой Матэ и страхась быть изобличенными в импотенции, натужных запорах или лизании пизды, сутенеры в смятении отползают.

На верхний балкон заступают Дядюшка Пако со своим товарищем по оружию, аптекарем Фернандесом. Дядюшка Пако сорок лет служил официантом. Он очень гордый, совсем нищий и презирает чаевые, единственный его интерес – в игре. Он приносит то, чего не заказывали, а винит клиента. Он размахивает засаленным полотенцем, отпихивает чаевые со словами: «Нам зарплату платят». Он кричит клиенту вслед: «Le service n'est-ce pas compris!»³⁰ Он учился у Пуль-

²⁹ Кровь Христова (*исп.*).

³⁰ Обслуживание не включено! (*фр.*).

мана Джорджа и овладел искусством подавать через весь зал – обжигающий кофе на мирные американские колени. И горе официанту, который перейдет ему дорогу, – поднос взлетит в воздух. Богатые, хорошо одетые клиенты уворачиваются от чашек и стаканов, разбиваемой об пол бутылки бренди «Фундадор».

Аптекарь Фернандес ненавидит подростков, поп-звезд, битников, туристов, гомиков, уголовников, бродяг, шлюх и наркоманов. Дядюшка Пако тоже их ненавидит. Фернандес любит полицейских, священников, офицеров, богатых людей с хорошей репутацией. Дядюшка Пако тоже их любит. Таких Дядюшка Пако обслуживает быстро и хорошо. Но их репутация должна быть безупречна. Газетный скандал может обернуться очень долгим ожиданием лимонада. Клиент терпит терпение, делает гневный жест. Сифон с содовой летит на пол. Больше всего эти двое любят унижать представителей ненавистных классов и стучать в полицию.

Вот Фернандес швыряет на прилавок рецепт на морфий.
– No prestamos servicio a los viciosos³¹.

Вот Дядюшка Пако игнорирует поп-звезду и его гражданскую жену, пока брошенная холодно, кислая фраза не просочится им в самую душу:

– Такие, как вы, тут без надобности.

Фернандес комкает рецепт. Он полный мужчина под сорок. За темными очками желтизна глаз выдает больную пе-

³¹ Мы нариков не обслуживаем (*исп.*).

чень. В телефоне его низкий назойливый голос:

— Receta narcotica falsificado³². — Потом он поворачивается к клиенту: — Ваш заказ будет готов через минуту, señor.

Вот Дядюшка Пако останавливается протереть стол и шепчет:

— Марихуана в чемоданчике... стол возле двери...

Коп похлопывает его по плечу.

Ни Дядюшка Пако, ни Фернандес не примут вознаграждения за услуги добрым друзьям из полиции.

Когда пять лет назад они поселились на верхнем этаже, Дядюшка Матэ как-то встретил их в вестибюле.

— Полицейские прихвостни, — холодно и безапелляционно обронил он.

Больше ему случая взглянуть на них не представилось. Любой, кто не по нраву Дядюшке Матэ, вскоре понимает, что лучше не попадаться ему на пути. Аптекарь Фернандес подходит к перилам, и рядом с ним вдруг появляется его жена. Глаза у нее желтые, а зубы — золотые. Потом выходит их дочь. У нее усики над верхней губой и волосатые ноги. Все трио — как на семейном портрете. Фернандес смотрит вниз.

— Criminales. Maricones. Vagabundos³³. Я заявлю на вас в полицию.

Дядюшка Пепе выплевывает ответ, вкладывает всю свою горькую старческую горечь в сгусток кислой безрадостной

³² Да, да, поддельный рецепт на наркотический препарат (*исп.*).

³³ Преступники. Гомики. Бродяги (*исп.*).

ненависти. Хоселито перестает отплясывать и поникает, как увядший цветок. Дядюшка Пепе и Долорес – демоны меньшего калибра. Они съеживаются и отступают, вороватые и пугливые, точно крысы на рассвете. Дядюшка Матэ смотрит куда-то за плечо старого официанта, отслеживая грифов в небе. Эль Моно стоит с холодным пустым лицом. Он не может передразнивать Фернандеса и Дядюшку Пако.

На нижний балкон выползает, опирая огромный вес на две палки, Тетушка Мария, ушедшая на покой Толстая Женщина из бродячего цирка. Тетушка Мария днями напролет ест конфеты, читает любовные романы и гадает по липким, испачканным в шоколаде картам. От нее исходит тяжелый сладкий дух. Печальный и неумолимый, он изливается из нее, словно пена из теплой пивной бутылки. Vecinos боятся этой сладости, которую с фатализмом относят к разряду стихийных бедствий вроде землетрясения и извержения вулканов. Они называют его «Сахар Марии». В один прекрасный день она может распоясаться и весь город превратить в торт.

Тетушка Мария смотрит вверх на Фернандеса, и ее печальные карие глаза бомбардируют его шоколадками. Дядюшка Пако отчаянно пытается обойти ее с фланга, но она выстреливает в него из сосков засахаренными вишнями и посылает вслед струю розовой глазури. Дядюшка Пако превращается в фигурку на свадебном торте, сделанном из конфет. Она съест его попозже.

Зато на верхний балкон выкатывает свою огромную тушу

Дядюшка Гордо, слепой продавец лотерейных билетов, инвалидное кресло на колесах – его колесница, его Цербер – рывкающий черный пес. Пес обнюхивает каждую монету, которую принимает Дядюшка Гордо. Рваная банкнота вызывает угрожающее рычание, а за фальшивку пес вцепится в руку покупателя мощными челюстями, упрется всеми лапами в землю и будет держать, пока не приедет полиция. Пес кладет лапы на перила, лает, рывкает, вздыбливает шерсть, глаза у него светятся фосфорным огнем. Тетушка Мария охает, весь сахар у нее тотчас исчезает. Она панически боится «бешеных собак», как она их называет. А пес как будто готов прыгнуть на нижний балкон. Дядюшка Матэ высчитывает траекторию, по которой полетит его тело. Он пристрелит пса в воздухе. Дядюшка Пепе запрокидывает голову и воет:

– *Perro attropellado para camion*³⁴.

Пес волочет раздробленный крестец и задние ноги по пыльной полуденной улице. Повизгивая, подползает к Дядюшке Гордо.

Агент Гонсалес просыпается, бормоча «Ебанный в рот», мозг ему выжигает вчерашний мескаль. Застегивая полицейский китель и прицепляя служебную пушку, он грубо проталкивается к перилам на верхнем балконе. Гонсалес – сломленный, опозоренный человек. Все *vecinos* знают, что он очень боится дядюшки Матэ и переходит на другую сторону улицы, лишь бы не встретиться с ним. Эль Моно не раз

³⁴ Грузовик задавил собаку (*исп.*).

его изображал.

Гонсалес смотрит вниз, а там поджидает Дядюшка Матэ. Волосы встают дыбом на голове у Гонсалеса.

– ЕБАНЫЙ В РОТ!

Он выхватывает ствол и дважды стреляет. Пули свистят над головой Дядюшки Матэ. Дядюшка Матэ улыбается. Одним ловким движением он прицеливается и спускает курок. Тяжелая пуля влетает Гонсалесу в раскрытый рот, пробивает нёбо и вырывает большой клоч вздыбленных волос на затылке. Гонсалес повисает на перилах балкона. Волосы полощутся на ветру. Балконные перила начинают раскачиваться – точь-в-точь спина лошади на небыстрой рыси. Его пушка падает на нижний балкон и стреляет.

Выстрел разбивает камеру. Застывший кадр двух балконов под углом в сорок пять градусов. Висящее на перилах тело Гонсалеса скользит вперед, инвалидное кресло Дядюшки Гордо съехало и перевалило за край, пес съезжает вниз на расставленных лапах, vecinos селятся вскарабкаться наверх и соскальзывают вниз.

– ДАЙТЕ МНЕ ШЕСТНАДЦАТЬ.

Кинооператор бешено снимает... Сутенеры орут, оскалив зубы и выкатив глаза, Эсперанса ухмыляется мексиканской земле, толстая циркачка обрушивается как бомба, взмываются розовые юбки, Тетушка Долорес летит вниз, глаза моргают то ласково, то зло, как у куклы, пес несется по светящемуся пустому небу.

Камера ныряет, разворачивается и скользит, прослеживая стервятников, которые по спирали уходят все выше.

Последний кадр: на фоне ледяной черноты космоса призрачные лица Дядюшки Матэ и Эль Моно. Тусклые дрожащие далекие звезды припорашивают их скулы серебристым пеплом. Дядюшка Матэ улыбается.

Шеф улыбается

Марракеш, 1976 год... Арабский дом в Медине, на кухне очаровательная, курящая гашиш старуха Фатима пьет чай с пушером. Посреди фильма обнаруживаю, что я один из актеров. Шеф пригласил меня в свой дом на обед.

– Часам к восьми, Роджерс.

Он принимает меня в патио, где перемешивает зеленый салат. Возле жаровни-барбекю разложены толстые стейки.

– Налей себе, Роджерс, – указывает он на тележку с бутылками. – Если хочешь, киф тоже, разумеется, есть.

Я смешиваю себе шорт-дринк, а от гашиша отказываюсь:

– У меня от него голова болит.

Я видел, как Шеф курит киф со своими арабскими освещателями, но это не значит, что мне тоже позволено. К тому же у меня действительно от него голова болит.

Шеф выдает себя за старого эксцентричного француз-

ского comte³⁵, который переводит Коран на провансальский язык, и иногда, увлекшись ролью, вгоняет своих гостей в кататонию от скуки. Видите ли, он взаправду знает провансальский и арабский. Для настоящей работы под прикрытием, как у него, приходится учиться годами. Сегодня Шеф не ломает комедию, к тому же в благодушно болтливом настроении. «Будь начеку, Роджерс», – говорю я себе, прихлебывая сильно разбавленный скотч.

– «Думается, ты как раз подойдешь для крайне важного и, позволь добавить, крайне опасного задания, Роджерс». Ты бы купился на такой дерьмовый заход?

– Что ж, он производит впечатление, сэр, – говорю я осторожно.

– Он дешевый позер, – отрезает Шеф.

Он садится и одной рукой набивает трубку кифом. Выкуривает и выбивает пепел, рассеянно погладив газель, которая трется головой о его колено.

– «Нужно опередить красных, не то детишкам придется учить китайский». Что за пустобрех!

Я стараюсь сделать каменное лицо.

– Ты хоть представляешь себе, чем мы тут занимаемся, Роджерс?

– Нет, сэр.

– Я так и думал. Никогда не говори людям, чего от них хочешь, пока не взял их за жабры. Я тебе одну документалку

³⁵ Графа (*фр.*).

покажу.

Двое слуг-арабов вносят и устанавливают в десяти футах перед нами шестифутовый экран. Шеф встает включить и настроить аппаратуру.

Джунгли, взятые сквозь призму фасеточного глаза, смотрящего сразу во всех направлениях... крупным планом зеленая змея с золотыми глазами... телескопический объектив выхватывает обезьянку, пойманную орлом меж двумя огромными деревьями. Верещащая обезьянка уносится в когтях. Я ощущаю за камерой пыльный инсектоидный разум, впереди – пирамиды, хижины и поля. Крестьяне сеют кукурузу под присмотром надсмотрщика со стеклом, в высоком головном уборе. Крупный план лица одного крестьянина. В нем нет ничего из того, что делает человека человеком, ни единого следа чувств или души. Не осталось ничего, кроме телесных нужд и телесных удовольствий. Я видел такие лица в закрытых отделениях государственных больниц для умалишенных. Те люди живут, чтобы жрать, срать и мастурбировать. Удовлетворенная увиденным, камера смещается назад, средний план – мерные движения группы крестьян. Они совершают телодвижения, предусмотренные трехмерным фильмом о функционировании плантации, на лицах серый налет. Время от времени надсмотрщик взглядом подгоняет усталых и нерадивых.

В следующем кадре – помещение в храме, залитое подводным светом. Старый жрец, голый, с дряблыми обвисши-

ми сосками и атрофированными яйцами, сидит по-турецки на прибитом к полу стульчаке. Стульчак обит человеческой кожей, на которой вытатуирована серия рисунков: мужчина превращается в гигантскую сколопендру. Сколопендра поедает его ноги изнутри, из орущей плоти прорываются когти. На следующем рисунке сороконожка пожирает орущий рот.

– Преступникам и пленникам, приговоренным к смерти от сколопендры, накалывают такие рисунки по всему телу. Затем оставляют на три дня, чтобы накладки нагноились. После их выводят, дают им мощный афродизиак, сдирают кожу в момент оргазма и привязывают к сегментам гигантской медной сколопендры. С непристойными любовными речами сколопендру выкладывают на добела раскаленные угли. Собираются жрецы в костюмах крабов и золотыми крюками-когтями выбирают мясо из панциря.

Старый жрец смотрится живым придатком экзотического компьютера. Из нагноившихся розеток в его позвоночнике изящным веером расходятся во все стороны тонкие медные провода. Камера прослеживает провода. Вот в маленькой медной клетке самка скорпиона пожирает самца. Вот поднимается над полом голова пленника. Красные муравьи соорудили себе в ней муравейник, входом в который служат пустые глазницы. Они объели его губы вокруг кляпа. От приглушенного крика без языка, вырванного через продырявленное нёбо, на пол сыплются окровавленные муравьи. В нефритовых аквариумах прямые кишки и гениталии пере-

сажены с человеческих тел на иную плоть... предстательная железа радужно переливается в теле розового моллюска... две прозрачные белые саламандры корчатся в медленной содомии, золотистые глаза отражают загадочную похоть... электрические угри-лесбиянки извиваются на илистом дне, с хрустом сцепляя влагища... возбужденные соски прорастают из луковичного растения.

– Им известен афродизиак настолько мощный, что тело разрывается на подрагивающие куски. Миловидным юношам и девушкам уготована Сладкая Смерть. У этого удивительно древнего народа был богатый фольклор. Я на этот товарец вышел через одного мексиканского мальчишку, чистильщика обуви... Эй, Кики! Выйди и покажи мистеру Роджерсу, какой ты милашка...

Кики стоит в дверном проеме, улыбаясь, как робкий зверек.

– Так вот, этот мальчик – хорошенький, правда? – лучший медиум глубокого транса, с кем я имел дело. Через него я сумел телепортироваться к майя и сделать там снимки. Штучка получилась такая жареная, что в донесениях пришлось все затушевать. Я доложил лишь, что выглядит она как чудненькое ОБП. Это кодовое обозначение Оружия Безграничного Потенциала... Вот смотрите внимательно, жрец как раз раскочегаривается.

Старый жрец раскачается взад-вперед. Провода на его хребте вздымаются, глаза загораются. Его губы раздвигают-

ся, и из них гудением извергается сухая инсектоидная музыка.

– Это называется пение картинками. Работает по принципу переменного тока. Старый хрен может чередовать боль и удовольствие на субвокальном, а может быть, даже на молекулярном уровне двадцать четыре раза в секунду, загоняя туземцев еще на стадии пробоотбора в заранее заготовленные шаблоны, зафиксированные в священных книгах. Некоторые певцы способны вырабатывать постоянный ток, но их вызывают только в экстренных случаях. Системный контроллер машины храма, которую вы только что видели, сломался. Это случилось внезапно, и на свет появилось целое поколение, не ощущавшее ни боли, ни удовольствия. Не было солдат, которые доставляли бы пленников из других племен, потому что солдаты представляли бы опасность для контролирующей машины. По части картинок боли и удовольствия там довольствовались исключительно местными преступниками. В крайнем случае призывали Несравненно-го Желтого Змея.

Змея вносят на янтарном троне, голубые глаза, кожа – как желтый пергамент, в верхнюю челюсть вживлены два длинных клыка. Когда сквозь него пропускают ток, он начинает раскачиваться, взад-вперед, взад-вперед. Он переходит с переменного тока на постоянный. С губ, обнаживших желтые клыки, срывается высокий вой, манящее пение Сирены.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Картинки выстреливают из его глаз, разя без разбора крестьян и жрецов, оставляя по себе тлеющие обломки.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Вой сирен вздымается и затихает над пустыми городами.

– Мало у кого хватит опыта, чтобы практиковать эти тайные ритуалы древних майя. Кто знает, когда появится еще один певец, подобный Старому Желтому Змею?

– Теперь в техническом департаменте считают, что мы все психи, а наш образ жизни омерзителен. «Нам что-нибудь рабочее подавайте, – заявляют они, – факты, цифры, сотрудников. Пустите в ход этого шутокря по кличке СМЕРТЬ. Избавьтесь от Мао и его банды головорезов». Мне выпала привилегия, так сказать, помочь в организации последней радиопередачи Желтого Змея из Вашингтона, округ Колумбия.

Помещение в Пентагоне. Генералы, типы из ЦРУ и Госдепартамента, нервничают из-за сверхсекретной жареной штурковины, открыт канал спецсвязи с комитетом начальников штабов и верховным командованием НАТО. Четверо морпехов вносят Желтого Змея. Он начинает раскачиваться взад-вперед. Он вдыхает детское гульканье и выдыхает предсмертный хрип. Он всасывает пшеничные поля и выплевывает сгустки пыли.

– Он просто раскочегаривается, – объясняет человек из ЦРУ пятизвездному генералу.

Сияя, как комета, Старый Змей переключается на посто-

янный ток.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Картинки с треском выстреливают из его глаз.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Вихрь выносит стену, и с восемнадцатого этажа на мостовую валится вопящее начальство.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

А теперь Змей замахивается своим бичом в небо.

Некогда здесь жили тупые вульгарные придурки, которые думали, будто могут нанять СМЕРТЬ как вневедомственную охрану...

Пустые улицы, старые газеты на ветру, шорох темноты и проводов.

В ночном небе над Сент-Луисом Бог Смерти майя отплясывает гопака, выстреливая звезды из глаз.

Шеф улыбается.

Старый Сержант улыбается

Зеленая Монахиня остановила злополучного путника перед входом в маленький монастырь из красного кирпича, стоящий среди дубов, зеленых лужаек и клумб.

– Ах, прошу, войдите и взгляните на мое отделение для душевнобольных. Вы сами увидите, сколько всего чудесного мы делаем для пациентов.

Она ведет его по посыпанной гравием дорожке к мона-

стырской двери, по пути указывая на свои цветочки:

– Правда ведь, мне удались примулы?

Она открывает входную дверь тяжелым латунным ключом, висящим у нее на поясе. Они проходят длинный вестибюль и лестничный пролет, и следующим ключом она отпирает еще одну дверь. Она проводит Одри в холодную голую палату, на стене там карандашные рисунки. Взад-вперед там расхаживает монашка с длинной линейкой. Пациенты возятся с пластилином и мелками. Похоже на игровую комнату в детском саду, вот только некоторым детям перевалило за сорок. Дверь захлопывается, и голос Зеленой Монахини меняется:

– Пластилин и мелки вон там. Чтобы покинуть комнату ради чего бы то ни было, надо получить разрешение.

– Но послушайте...

Рядом с ней возникает пузатый охранник в жестяном шлеме и с широким кожаным ремнем. Охранник смотрит на Одри с холодной гадкой ненавистью и говорит:

– Он хочет Боба и его адвокатов.

В шесть приносят безвкусный обед из холодных макарон, к которому Одри не притрагивается. После обеда на дежурство заступает ночная медсестра. Пациенты раскладывают койки, и игровая комната превращается в дортуар.

– Кто-нибудь хочет на горшок, пока не выключили свет?

Сестра бренчит ключами. Туалетные кабины в углу дортуара. Дежурная сестра отпирает дверцы и стоит в проеме,

холодно наблюдая.

– Не пытайся снова играть со своей грязной штучкой, Колдклиф, а не то получишь шесть часов на кухне.

Всю ночь напролет в дортуаре горит тусклая лампадка. Пациенты спят, лежа на спине под тонкими одеялами. За эрекцию ночная сестра больно бьет линейкой.

И так проходили годы. Иногда в знак поощрения устраивали прогулки по саду – в сопровождении Боба, который держал на поводке трех злобных немецких овчарок. В саду пациенты могли посмотреть, как самка богомола пожирает самца. Ежедневные исповеди, принимаемые Зеленой Монахиней на детекторе лжи, который чувствительно ударял током в чувствительные места, пока Зеленая Монахиня нараспев повторяла:

– Не произноси лжесвидетельства на ближнего твоего.

Исповеди она записывала зелеными чернилами в учетные книги, заведенные на каждого пациента в отдельности. Однажды после особенно мерзостной исповеди она воспарила до потолка на глазах у пораженной юной монашки. Каждую ночь она облачалась в костюм Христа со светящимся нимбом и посещала келью какой-нибудь юной монахини. Ей нравилось представлять себя монахиней из стихотворения Сары Тисдейл:

Бесконечная нежность бесконечной иронии

навек сокрыта в ее смеженных очах.

В одиночестве долгом на себе испытала,
сколь тщетна мудрость даже для мудреца.

Она была закоренелым ипоходриком и основательно накачивалась лауданумом. И в результате страдала запорами, что призывало очередную пригожую молодую монахиню к высшему служению прямой кишке. За такой честью неизменно следовал ночной визит Христа с пристегнутым членом. В молодости Зеленая Монахиня подумывала, не приказать ли Бобу ограбить банк спермы. Тогда она могла бы объявить о непорочном зачатии. Но она оставила честолюбивые помыслы. Работа в детском саду – важнее мирских соблазнов, фотографии на обложке журнала «Лайф».

Мало-помалу учишься не иметь ни единой мысли, которую стыдно было бы поведать Зеленой Монахине, и не делать ничего такого, что было бы стыдно сделать в ее присутствии. Рано или поздно вступаешь в «Клуб Г». Обращенным пациентам каждую ночь перед отбоем выдают четверть грана морфия, привилегия, которой лишают за любой проступок.

– Теперь ты ведь знаешь, что летать во сне НЕХОРОШО, правда? За это ляжешь спать без лекарства.

Дрожа от ломки в ледяной палате, весь следующий день нарушитель должен выглядеть радостным и счастливым, возясь с карандашами и пластилином. Одри научился рисовать

Деву Марию и святую Терезу так, чтобы они безошибочно походили на Зеленую Монахиню. Из пластилина безопаснее всего лепить кресты. Вскоре после заключения он совершил ошибку, слепив обнаженную греческую статую. В тот день линейка сестры отхлестала его тонкое голубое запястье, и его заставили написать десять тысяч раз во многих местах «я – грязная маленькая тварь».

Головокружительное мельтешенье комнат и лиц, бормотанье множества голосов, запах человеческих ночей... Фоном – дома из красного кирпича, шиферные кровли, задние дворы и компостные ямы Сент-Луиса... В детстве у него была английская гувернантка с такими безупречными рекомендациями, что позже Одри заподозрил, что их изготовил какой-то наемный писака с Флит-стрит в убогой пивной возле Эрлс-корт.

«Повторяй почаще «лорды» да «лейди», – говаривала она, – ни в жисть не прогадаешь».

Приставив ухо к прижатой к стене хрустальной чернильнице из письменного прибора, он ловил шепотки из нижнего мира прислуги... Сутенерствующий шофер-шантажист... «Так просто вы от меня не отделаетесь, лорд Брамблти». Передозировка морфия в Кенсингтонском доме для престарелых... «Она сказала, миссис Чаррингтон спит и ее нельзя беспокоить».

Получив письмо из Англии, гувернантка внезапно уволи-

лась.

После была старая ведьма-ирландка, учившая его заклинать жаб. Она умела, выйдя на задний двор, тихим пением выманить жабу из-под камня, и Одри тоже это освоил. У него завелась жаба-приживала, обитавшая под камнем у пруда с золотыми рыбками и появлявшаяся по его зову. А еще старуха научила его проклятию, которое вызывало из заплесневелого хлеба «спящего червя».

Одри ходил в прогрессивную начальную школу, где учеников поощряли выражать свое я, лепить из глины, чеканить медные совки для золы и мастерить каменные топоры.

Чуткий и умеющий вдохновить учитель пишет на доске школьную пьесу, а класс подсказывает идеи:

ДЕЙСТВИЕ 1

Сцена первая: Две женщины у водопоя.

1-я женщина: Я слыхала, прошлой ночью тигр сожрал ребенка Баст.

2-я женщина: Да. Нашли только его оловянного солдатика.

1-я женщина: Никому из нас небезопасно, пока тигр бродит поблизости. *(Нервно озирается по сторонам.)* Темнеет, Секстет, я иду домой.

Воистину величайшим занудой Сент-Луиса был полков-

ник Гринфилд. Он вечно рассказывал застольные анекдоты, занимавшие по полчаса, а пока он говорил, никто, разумеется, и притронуться не смел к еде.

Одри смотрит на остывающую индейку, он почти готов насладиться на полковника «слепащего червя».

– ...А тем временем старый чернокожий еврей появился в «Палас-отель» в Палм-Бич. И десять минут спустя ночной портье, только-только окончивший курсы отельеров в Техасе, никнет под буравящим холодным взглядом майора Брэди.

– Это ты заселил мистера Роджерса, урожденного Каика?

– Ну да, сэр, я. Он же забронировал.

– Ничего он не бронировал. Произошла ошибка, болван ты этакий. Ты что, черного еврея не распознаешь, когда увидишь?

А тем временем старый черный еврей позвонил в обслуживание номеров:

– Не могли бы вы прислать горничную с птенцем.

– Птенец, сэр? Вам нужен птенец? Или вы имеете в виду перец? Прошу прощения, сэр, кухня закрыта. Ведь сейчас три часа утра.

– Мне плевать, закрыта кухня или нет. Мне плевать, какой сейчас час. Мне нужен птенец.

– Прошу прощения, сэр.

– Хочу поговорить с управляющим, п'жалуста... *(Попытки изобразить диалект становятся все глупее и утрирован-*

нее по мере того, как полковник горячится.)

Ночной портье звонит на дом майору Брэди:

– Старый черный еврей из двадцать третьего ни с того ни с сего требует перца!

– Ладно. У нас первоклассный отель. Откройте кухню и дайте ему все, что он хочет... Скорее всего он привез с собой собственного карпа и хочет готовить рыбу-фиш.

И вот ночной портье звонит старому черному еврею:

– Все в порядке, сэр, какого сорта перец вам нужен? Красный? Белый? Черный?

– Не нужен мне перец. Мне не нужен красный перец. Мне не нужен белый перец. Мне не нужен черный перец. В моем номере нет п'те... полотенец!

Верблюды... игольное ушко... бревно в глазу...

Полковник сжег дотла Сент-Луис. Однажды, когда Одри неохотно пришел с запиской в дом полковника Гринфилда, то застал того за рассказыванием занудных анекдотов негродворецкому.

– Вот на старой гринфилдской плантации у нас были ниггеры домашние и ниггеры полевые, и полевые ниггеры никогда не входили в дом.

– Да, сэр. Полевые ниггеры никогда не входили в дом.

– Домашние ниггеры об этом сами заботились, верно, Джордж?

– Да, сэр. Домашние ниггеры об этом заботились, сэр.

– Так вот, куда бы я ни приехал, я первым делом достаю

телефонную книгу и разыскиваю тех, кто носит фамилию Гринфилд. Их довольно мало, и все они очень достойные люди. Так вот, несколько лет назад в Буффало, штат Нью-Йорк, я выписал адрес Абрахама Л. Гринфилда и показал его черномазому таксисту. «Думаю, у вас неверный номер, босс». – «Адрес правильный, водитель». – «Я все же думаю, вы ошиблись номером, босс». – «Заткни свою черномазую пасть и езжай, куда сказано». – «Есть, босс. Приехали, босс. Ниггер-таун, босс». – «Так мы что, в Ниггер-тауне?» – «Да, сэр. В самом что ни на есть Ниггер-тауне, сэр». Тогда я вылезаю и стучу в дверь, и мне отрывает старый хрен со шляпой в руке.

– Да, сэр, со шляпой в руке, сэр.

– «Добрый вечер, масса, и да благословит вас Бог», – говорит он. – «Твоя фамилия Гринфилд?» – спрашиваю я. – «Точно так, босс. Абрахам Линкольн Гринфилд». И тут выясняется, что он был одним из наших старых домашних ниггеров.

– Да, сэр, одним из ваших старых домашних ниггеров, сэр.

– Он пригласил меня войти и предложил чашку кофе с домашним карамельным тортом. Ни разу не присел, просто стоял, кивал и улыбался... Вот это толковый черномазый.

– Да, сэр, толковый черномазый, сэр.

И поглубже зарой в свинарнике хлеб

Одри был бледным худышкой с лицом в шрамах от гноящихся душевных ран.

– Он похож на пса-овцеубийцу, – обронил как-то один сент-луисский аристократ.

В Одри было что-то гнилое и нечистое, вонь ходячего мертвеца. Швейцары не пропускали его, когда он приходил в гости к богатым друзьям. Лавочники совали ему сдачу без тени «спасибо». Он проводил бессонные ночи, рыдая в подушку от бессильного гнева. Он читал приключенческие рассказы и воображал себя путешественником-джентльменом вроде «Майора»: пробковый шлем, хаки, «Уэбли» на поясе и верный слуга-зулус рядом. Тупенький печальный ребенок, живущий и дышащий старым бульварным чтивом. В шестнадцать лет его отправили в привилегированную школу, известную как Академия Пойндекстер, где он чувствовал себя эдаким сомнительным домашним ниггером. Однако его приглашали на большинство вечеринок, и миссис Кайндхарт была подчеркнута с ним мила.

В начале учебного года в сентябре в академии появился новичок. Держался он отчужденно и загадочно, и никто не знал, откуда он. Ходили слухи насчет Парижа, Лондона, школы в Швейцарии. Звали его Джон Гамлин, и жил он у родственников в Портленд-плейс. Ездил он на великолепно-

ном «Дюзенберге». Одри, у которого был старый разбитый «Мун», пораженно рассматривал это произведение искусства: роскошную кожаную обивку, латунные накладки, пленку на дверцах, громадную фару-прожектор с рукояткой, как у пистолета. Одри писал: «Ясно, что он проделал немалый путь, явился, покрытый пылью путешествий и пятнами неведомых земель. Запонки на манжетах из тусклого металла, словно поглощающего свет, рыжие волосы отливают золотом, большие зеленые глаза широко расставлены».

Новичок проникся симпатией к Одри, а приглашения сынков богачей с изысканной ловкостью отклонил. Это не расположило к Одри важных птиц школы, и в результате школьный журнал холодно отверг его рассказы.

– Отдает патологией, – заявил ему редактор. – Нам нужны рассказы, после которых ложатся спать в хорошем настроении.

Дело было в пятницу, 23 октября 1929 года. Ясный голубой день, опадающие листья, полумесяц в небе. Одри Карсонс шел по Першинг-авеню... *Simon, aime tu le bruit des pas sur les feuilles mortes?*³⁶ Он вычитал фразу в одном памфлете из серии «Голубые книжицы» Хольдмана Юлиуса и собирался вставить фразу в рассказ, который как раз сочинял. Его герой, разумеется, умеет говорить по-французски. На углу Першинг и Уолтон он остановился посмотреть на белку. Мертвый лист на секунду застыл в его взъерошенных русых

³⁶ Любишь ли ты шорох шагов по мертвым листьям, Симон? (фр.)

волосах.

– Привет, Одри! Хочешь прокатиться? – Это был Джон Гамлин за рулем «Дюзенберга».

Гамлин открыл дверцу, не дожидаясь ответа. Он развернул машину и поехал на запад, свернул налево по Эвклид, потом вправо на Линделл... Бульвар Скиннер, выезд из города... Клейтон... Гамлин глянул на наручные часы:

– К ленчу можно добраться до Сент-Джозефа. Там есть отличный ресторан у реки, подают недурное вино.

Одри, разумеется, пришел в восторг. Мимо проносился осенний сельский пейзаж, впереди – прямая лента дороги.

– Сейчас покажу тебе, на что способна эта малышка.

Гамлин медленно вдавливая в пол педаль газа... 60... 70... 80... 85... 90... Одри подается вперед, рот приоткрыт, глаза сияют.

В Палаточном городке в разгаре конференция на высшем уровне высокопоставленные чиновники участвуют в КОНТРОЛЬНОЙ ИГРЕ. Конференцию созвал техасский миллиардер, который щедро финансирует «Моральное перевооружение»³⁷ и поддерживает уйму евангелистов. Конференция проходит за пределами Сент-Луиса в штате Миссури, ибо Зеленая Монахиня наотрез отказывается покинуть свой детский сад. Великосветские властительницы чаепитий сочли,

³⁷ Реально существующая международная религиозная организация, основанная американским проповедником Фрэнком Бухманом.

что будет забавно разбить палаточный городок на манер армейского лагеря 1917 года. Участники конференции обсуждают Операцию Г. Б. (иначе говоря, «Гнев Божий»).

Элита после пары коктейлей обычно становится циничной. Молодой человек из новостного журнала обнаружил среди собравшихся симпатичного фулбрайтовского стипендиата³⁸, и теперь они острят в уголке за мартини. Пьяный американский сержант едва держится на ногах. У него коротко стриженные, с проседью волосы и багровое лицо кадрового военного.

– Скажу по-простому для гражданских... Вы даже не знаете, какие кнопки нажимать... мы берем кучку длинноволосых мальчишек, трахающих друг друга, пыхающих травой и плюющихся кокаином на Библию, и хлещем их по заднице национальным флагом. Мы показываем этот фильм приличным прихожанам из Библейского пояса. Следим за реакцией. Как-то один верующий шериф, на пистолете которого семь зарубок по числу убитых ниггеров, прострелил камеру. Выяснилось, что он тот еще фрукт, и парни из «Лайф» сделали про него репортаж. Похоже, это у него семейное, сила, дарованная его роду богом, разить нечестивых: его бабка уложила его наповал одну блядь посреди улицы. Когда мы показали фильм одному толстому сенатору с Юга, у него глаза лопну-

³⁸ Программа грантов Фулбрайта финансируется Государственным департаментом США с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами [США](#) и других стран.

ли, с ног до головы забрызгав оператора. Меня измочалили в Париже. В Тунисе мне заехали в пах коленом сайентологи из Морской организации. Меня поливали перечным газом в Чикаго и забрасывали скорпионами в Марракеше, поэтому лягушачьи яйца в физиономию – это так, пустяки, рутина. То, что мальчики из наркоконтроля зовут общественным порицанием, отразило и сконцентрировало двадцать миллионов картинок «Я ВАС НЕНАВИЖУ» в едином порыве. Если хотите дело сделать, приезжайте в СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. И ПОВЕРНУТЬ ЭТО МОЖНО ПРОТИВ КОГО УГОДНО. Вы, англичашки недобитые...

Он тычет пальцем в группу седых стариков в клубных креслах, с каменным порицанием взирающих на вульгарного пьяного американца. И где только ходит распорядитель клуба, который должен вышвырнуть прохвоста, чтобы джентльмены могли спокойно почитать свою «Таймс»?

– ВЫ ВСЕГО-НАВСЕГО БАНАНОВАЯ РЕСПУБЛИКА. И ПОМНИТЕ, МЫ ЗАПОЛУЧИЛИ ВАШИ КАРТИНКИ!!!

– А мы заполучили ваши, янки, – ледяным тоном отрезают старики.

– МОИ ПОГАЖЕ БУДУТ!!!

Англичане кашляют и отводят глаза, растворяясь и исчезая в свои призрачные клубы, где желтеют клыки зверя, убитого человеком с неправдоподобной двойной фамилией, а СТАРЫЙ СЕРЖАНТ орет им вслед:

– ВЫ ЧТО, ДУМАЕТЕ, ЭТО КОНКУРС КРАСОТЫ? Ах

вы, овощи, социалисты фабианские, возвращайтесь в свой садик в Хэмпстеде, запускайте воздушный шар в нарушение местным постановлениям! Чудненькая встреча вас с бобби ждет поутру. Мамочка про все это в дневнике написала и нам за чаем прочла. **МЫ ЗАПОЛУЧИЛИ ВСЕ КАРТИНКИ, ЧЕМ ВЫ, ПИДОРЫ, В ИТОНЕ ЗАНИМАЛИСЬ. ХОТИТЕ ПОДРОЧИТЬ ПЕРЕД КОРОЛЕВОЙ, ЗАТКНУВ В ЗАДНИЦУ СВЕЧКУ?**

– Нельзя так выражаться в присутствии приличных женщин! – тягуче жует тexasский миллиардер с рейнджерами по бокам.

– Ах ты кактус ободранный! Верно, думаешь, мол, эта конференция твоя идея? Поздравления от Департамента Внезапных Озарений... А вы, вшивые приголубленные пу-стобрехи, мои фотографы не станут делать ваши снимки. Вы же просто магнитофонные записи. Я пальцем щелкну, и вы навсегда над этими мартини застынете. Валяйте, насме-хайтесь, сколько влезет! Э? А ты... – показывает он на Зе-леную Монахиню... – Напишешь десять тысяч раз под во-дой несмываемыми чернилами: «У СТАРОГО СЕРЖАНТА МОИ КАРТИНКИ ХРИСТА. ПОКАЗАТЬ ИХ ПАПЕ РИМ-СКОМУ?» А теперь за здоровье всех бравых техсержантов, куда бы их ни занесло...

Долговязый молодой сержант читает «Поразительные ис-тории». Он щелкает выключателем... На экране Одри и Гам-лин. Ветер треплет волосы Одри, когда «Дюзенберг» наби-

рает скорость.

– Световые Годы вызывают Питьевую Соду... Начинаем операцию «Маленький Одри»... восемь секунд до обратного отсчета... отслеживаем...

Тощий, мучимый поносом техник размешивает себе питьевую соду.

– Беспилотная платформа вызывает Фокс-Трот... шесть секунд до обратного отсчета...

Английский компьютерщик забивает косяк.

– Проектор вызывает Акцент... четыре секунды до обратного отсчета.

Гудят компьютеры, вспыхивают лампы, сходятся линии. Рыжеволосый мальчик жует жвачку, листая журнал с голыми парнями.

– Красная Точка вызывает Булавочный Укол... две секунды до обратного отсчета...

«Дюзенберг» взлетает на пригорок и отрывается от земли. Прямо по курсу деревянное ограждение, паровой каток, кучи гравия, призрачные палатки. Знак «ОБЪЕЗД» указывает влево на грунтовку из красной глины, где на солнце сверкает гравий.

– КОМАНДОВАТЬ ПАРАДОМ БУДЕТ СТАРЫЙ СЕРЖАНТ!

Он оглядывается по сторонам, и со столов слетает посуда, обдавая участников конференции мартини, бурбоном, взбитыми сливками, засахаренными вишнями, подливкой и лу-

ковым супом, навечно замороженными в фарсе 1920 года.

– ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ.

От стены к стене катится огненное колесо рваных металлических лопастей, кромсая делегатов. Покореженный бампер обезглавливает Зеленую Монахиню. Техасского миллиардера обдаёт бензином, превращая в ниггера на костре. Сломанный прожектор, волоча за собой, как медуза, раскаленные добела провода, прилетает в лицо британскому делегату. «Дюзенберг» взрывается, разбрасывая во все стороны раскаленные добела куски искореженного металла, разбрызгивая кипящую кислоту и горящий бензин.

В утреннем небе одетые в форму Первой мировой войны Одри и Старый Сержант высовываются из побитого «Муна» и улыбаются. Старый Сержант у руля.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

Занавес может неожиданно подняться, когда «Дюзенберг» медленно движется по объезду 1920-х годов. Впереди Одри видит киоски, фонтаны и колеса обозрения на фоне желтого неба. Дорогу машине заступает мальчик, он поднимает руку. Он без одежды, если не считать переливающихся, как радуга, плавок и сандалий. Под мышкой у него «маузер», к которому приделан приклад от винтовки. Он подходит к окошку со стороны водителя. Одри в жизни не видел никого, настолько хладнокровного и отчужденного. Мальчик смот-

рит на Одри, смотрит на Джона. Потом кивает.

– Машину оставим здесь, – говорит Джон.

Одри выходит. Теперь за ним безмятежно наблюдают шестеро мальчишек. На ремнях, усеянных кристаллами аметиста, длинные ножи в ножнах. Все они в плавках цветов радуги, как на открытках с Ниагарского водопада. Одри идет за Джоном на площадь, где происходят различные действия, и зрители-подростки едят разноцветное мороженое или мерно жуют жвачку. Большинство мальчиков в радужных плавках, а несколько как будто совсем голые. Одри не может определить наверняка, он же старается держаться поближе к Джону. Ярмарка напоминает Одри гравюры конца девятнадцатого века. Колеса обозрения цвета сепии вращаются в желтом свете. Планеры, запущенные с деревянного помоста, парят над ярмаркой, ноги пилотов болтаются в воздухе. Под аплодисменты зрителей поднимается разноцветный воздушный шар. Вокруг ярмарки – променады, гостиницы и пансионы, рестораны и бани. В дверных проемах прохлаждаются мальчишки. Одри мельком видит сцены, от которых дыхание у него учащается и кровь приливает к паху. Далеко впереди он различает силуэт Джона в угасающем свете солнца. Одри его окликает, но его голос замирает и гложет. Тьма обрушивается, словно кто-то выключил небо. Впереди слева он видит вывеску «ГАЛЕРЕЯ ИГРОВЫХ АВТОМАТОВ», надпись выведена светящимися шарами. Наверное, Джон вошел внутрь. Одри отодвигает красную портьеру и входит в

зал. В даль тянутся позолоченные стены, ряды люстр, красных портьер и зеркал. В какую сторону ни посмотри, конца этому не видно. Это длинное узкое здание, похожее на корабль или поезд. Мальчики стоят перед автоматами калейдоскопов, прикинув к отверстиям, смотрят на движущиеся картинки. Одни в радужных или в переливающихся плавках, другие в школьной форме, набедренных повязках и джеллабах. Тут есть автоматы-калейдоскопы, перед которыми протянулись ряды стульев для зрителей, а есть такие, которые стоят в отдельных, занавешенных кабинках. Проходя мимо одной кабинки, Одри мельком видит в щель между занавесками двух мальчишек, которые голые сидят на шелковом диване. Отводя глаза, он замечает, как еще один мальчик спускает плавки, переступает через них, не отрывая взгляда от картинок в калейдоскопе. Двигаясь с точностью и легкостью, которые иногда снисходили на него в снах о полете, Одри плавно опускается на стальной стул, напоминающий о кабинете доктора Мура в Листер-Билдинг, где дневной свет сочится сквозь зеленые жалюзи. Перед ним светящийся экран. Запах застарелой боли, эфира, бинтов, тошнотворного страха в приемной, да, это врачебный кабинет доктора Мура в Листер-Билдинг.

Врач был южанином, джентльменом старой закалки. Внешностью и манерами он походил на актера Джона Бэрримора и – порой оправданно – считал себя остроумным рассказчиком. Врач был наделен шармом, которого так при-

скорбно недоставало Одри. Ни один швейцар не остановил бы такого, ни один лавочник не позабыл бы сказать ему «спасибо» – под взглядом, который внезапно мог стать холодным, как лед. Врач никак не мог бы симпатизировать Одри. «Он выглядит, как гомосексуальный пес-овцеубийца», – думал доктор, но никогда не произносил таких слов вслух. Он оторвал взгляд от газеты в своей полутемной мрачной гостиной и изрек:

– В мальчике есть нечто нездоровое, омерзительно нездоровое.

Его жена пошла даже дальше:

– Скорее уж он похож на ходячий труп.

Одри был склонен с ней согласиться, вот только не знал, чей он труп. А еще он мучительно осознавал свои нездоровость и омерзительность.

Экран прямо перед ним, экран слева от него, экран справа, и экран у него на затылке. С точки у него над головой он может видеть все четыре экрана.

Позднее Одри написал такие заметки: «Изображаемое и метод подачи изображения изменяются в соответствии с неким общим замыслом и ритмом.

1. Предметы и изображаемые сцены приближаются и удаляются за счет медленного поступательного движения с постоянной скоростью. Эпизоды – трехмерные изображения, прерываемые вспышками света. Однажды я видел шоу великого фокусника Терстона, в ходе которого в результате ма-

нипуляций с экраном исчезал со сцены слон. В фильме он застрелил человека. Актер размазывает по смокингу кетчуп и падает, затем в кадре появляется Терстон в роли сыщика, расследующего преступление, после фокусник сходит с экрана, чтобы совершить новые убийства, врывается в кадр в роли нахального молодого репортера бульварной газеты, сходит с экрана, чтобы сделать телефонный звонок, от которого рухнет рынок, и возвращается в роли разорившегося брокера. Меня затянуло в этот фильм потоком желтого света, и я могу вытаскивать людей с экрана, сцены «вытаскивания» даются через плоть голых мальчишек. Эпизоды увязываются друг с другом при помощи произвольных предметов: шутихи, огненные колеса, елочные игрушки, пирамиды, пасхальные яйца, мотки медной проволоки, – все предметы приближаются и удаляются в повторяющейся численной последовательности. Вхождение в экран/кадр и выход из него может быть очень болезненным, как кислота в лицо или ток по яйцам.

2. На экране появляются сцены с одинаковой загадочной структурой и постоянной перспективой. В углу кадров – значки пунктуации. Материал обрабатывается на компьютере. Передо мной снова и снова произносится на неведомом языке одно и то же послание, разыгрываются загадочные шарады, действующим лицом которых я становлюсь. На экране присутствуют также знакомые слова, возможно, где-то давным-давно прочитанные, слова даны сепией и серебряными

буквами, которые расплываются, превращаясь в картинки.

3. Фрагментарные образы связаны прямым визуальным воздействием. Возникает ощущение скорости, словно видишь эти картинки из окна поезда.

4. В повествовательных эпизодах экраны исчезают. Как один из актеров, я становлюсь непосредственным участником ряда вполне понятных и последовательных событий. Повествовательным вставкам предшествует кадр с названием, а после я оказываюсь в фильме. Перемещение безболезненно, словно переход в сон. Повествование может перемежаться структурированным калейдоскопом, и тогда я снова оказываюсь перед экраном, вхожу и выхожу из него».

Одри смотрел на экран перед собой, его губы приоткрылись, мысли замерли. Все это было там, на экране: картинка, звук, прикосновение происходили в настоящий момент и были призрачно сдвинуты в прошлое.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

1. На экране 1 красное огненное колесо вдалеке парк развлечений. Огненное колесо катится прочь унося с собой голоса американские горки запах арахиса и пороха все дальше и дальше и дальше.

2. На экранах 2 и 3 укатываются вдаль голубое и белое огненные колеса. Одри мельком видит двух мальчиков в галерее игровых автоматов. Один смеется показывая на штаны

другого из которых вертикально торчит член.

3. На экранах 1 2 3 укатываются вдаль огненные колеса красное белое и голубое. Молодой солдат в тире капли пота на губе. Далекие хлопнушки взрываются на мостовых жаркого города... ночное небо парки и пруды... голубой отзвук на пустых стоянках.

4. На экранах 1 2 3 4 укатываются вдаль огненные колеса, красное, белое, голубое и красное. Область низкого давления затягивает Одри в парк. 4 июля 1926 года попадает в безмолвный каток.

1. На экране 1 приближается красное огненное колесо... в середине его пути дымная луна. Юный рыжий матрос надкусывает яблоко.

2. На экранах 2 и 3 появляются два огненных колеса вспышки белого и голубого света выхватывают лицо подростка. Опасливо подходит зазывала: «Постойшь за меня, малец? Надо переговорить с одним чуваком насчет обезьянки».

3. На экранах 1 2 3 появляются вращаясь три огненных колеса красное белое и голубое. Светящееся открыточное небо тянется к обширной заводи летних вечеров. Молодой солдат выходит с озера с холма с неба.

4. На экранах 1 2 3 4 появляются вращаясь четыре огненных колеса красное белое голубое и красное. Ночное небо полно огненных колес и взрывающихся шутих освещающих

скверы пруды запрокинутые вверх лица.

«Красный отсвет шутихи взрывы бомб над ночною землей Доказали в ночи что наш флаг еще развевается»...

Свет в его глазах. Должно быть, зеркало доктора Мура с дыркой.

1. Усеченная пирамида удаляется в перекличке далеких птиц и предрассветном тумане... Одри мельком замечает уродливые пузатые деревья... Паренек-индеец с мачете... Сцена сродни зарисовке из блокнота путешественника... едва различима на покрытой пятнами пожелтевшей странице... «Никому не полагалось познать невообразимое зло этих мест и выжить, чтобы о нем рассказать...»

2. Две пирамиды удаляются... «Последний мой индеец ушел на рассвете. Я слег с жутким приступом лихорадки... и нарывы... не могу перестать их расчесывать. Я даже пытался связывать себе руки на ночь, когда приходят сны, сны столь неопишимо мерзкие, что я не могу заставить себя записать их содержание. Во сне я развязываю узлы и просыпаюсь, расчесывая себя...»

3. Три пирамиды удаляются... «Нарывы проели мою плоть до костей, чудовищная чесотка не отступает. Единственный выход – самоубийство. Я могу только молиться, чтобы ужасные тайны, которые я открыл, умерли со мной раз и навсегда...»

4. Четыре пирамиды удаляются... У Одри закружилась

голова, как от внезапной остановки лифта... скелет сжимает ржавый револьвер в лишенной плоти руке...

1. Пирамида приближается... Одри видна каменная кладка, похожая на рваное кружево на вершине пирамиды. Влажная жара плотно окутывает его тело затхлым запахом растительного брожения и животного разложения. Из рассветного тумана выплывает фигура в белой набедренной повязке. Перед Одри возникает мальчик-индеец с розовой кожей и тонкими чертами. Два мускулистых длинноруких индейца несут каменные сосуды и орудия. «Ты что, безумец, раз один тут бродишь? Это дурное место. Здесь плотоядные растения».

2. Приближаются две пирамиды... «Ты не осторожно, ты здесь расти. Смотри сюда». Он указывает на обвислую розовую трубку двух футов длиной, растущую из двух пурпурных холмиков, покрытых тонкими красными усиками. Когда мальчик указывает на трубку, та приподнимается и поворачивается в его сторону. Мальчик делает шаг вперед и трет трубку, которая медленно затвердевает в фаллос высотой шесть футов, вырастающий из двух яиц... «Сейчас я заставлю его спустить. Малафья стоит много dinero. Малафья давать мясо»... Он сбрасывает набедренную повязку и залезает на растительную мошонку, обнимает руками ствол. Рыжие усики обвивают его ноги, тянутся к гениталиям и ягодицам...

3. Приближаются три пирамиды... Туман рассеивается. В

молочном предутреннем свете Одри видит, как алость, разлившаяся по телу мальчика, сменяется багрянцем, превращая кожу в налившийся красный волдырь. Жемчужная смазка вытекает из головки гигантского фаллоса, течет по бокам. Мальчик извивается на стволе, обеими руками лаская огромную пульсирующую головку. Раздается мягкий приглушенный звук, стон растительной похоти вырывается из разбухших корней, когда растение извергает струю высотой в десять футов. Носильщики бегают вокруг, ловя капли в каменные сосуды.

4. Приближаются четыре пирамиды... Сад плоти расположен в круглом кратере, четыре пирамиды стоят вокруг него на возвышениях, обозначая север, юг, восток и запад. Усики медленно втягиваются, фаллос опадает, и мальчик спрыгивает вниз... «А там жопное дерево»... Он указывает на дерево с гладкими, тесно переплетенными красными ягодицами, у каждой пары подрагивающий анус. Против входных отверстий из ствола растут фаллические орхидеи, красные, пурпурные... «Пусть и оно тоже спустит»... Мальчик поворачивается к одному из носильщиков и произносит что-то на неизвестном Одри языке. Тот усмехается и стягивает набедренную повязку... Остальные носильщики вторят его движениям... «Он трахать дерево. Остальные трахать его»... Двое мужчин зачерпывают из сосуда смазку и натирают себе встающие фаллосы. Затем первый носильщик делает два шага вперед и входит в дерево, обняв ствол ногами. Второй но-

сильщик большими пальцами раздвигает ему ягодицы и медленно всаживает мужчине, люди и растение двигаются вместе медленной гидравлической перистальтикой... Орхидеи возбужденно пульсируют, роняя разноцветные капли смазки... «Теперь надо ловить струи»... Мальчик протягивает Одри каменный сосуд. Двое парней словно бы втираются в дерево, их лица налиты кровью. Всхлип вырывается из расслабленных губ, когда орхидеи пускают дожди струй... «А вот это очень опасное»... Мальчик указывает на человеческое тело, сквозь плоть которого наподобие вен проросли лианы. Из зеленовато-розового тела сочится молочное вещество... Мальчик надевает пергаментные рукавицы... «Если потрогаешь, будешь чесаться... нарывы по всему телу... чесаться хорошо... чесаться приятно... все мясо с себя расчешешь»... Медленно поднимаются веки, открывая зеленые зрачки в окружении черных лепестков. Сразу ясно, что растение их видит. Его тело подрагивает от чудовищной жажды... «Он тут давно. Нужно, чтобы кто-то его подпер»... Потянувшись, мальчик обеими руками берет его голову и резко поворачивает набок. Со звуком, с каким трещит во влажных полотенцах палка, ломается шея. Ступни трепыхаются, и в глазах водоворот радужных красок. Пенис снова и снова извергает жидкость, пока тело корчится в чудовищных спазмах... Наконец тело обмякает... «Теперь он мертвый»... Носильщики копают яму. Мальчик обрезает лианы, и труп плюхается в могилу... «Скоро другой вырастет», – деловито го-

ворит мальчик... «А вон там срущее дерево...» Он указывает на черный кустарник в форме присевшего на корточки человека. Куст – суший бурелом щупалец, и в их лабиринте Одри замечает скелеты зверьков... «Сейчас проделаю ему дырку»... Зачерпнув из горшка спермы, мальчик намазывает между ягодиц. Поднимаются азотистые испарения, растение корчится и испражняется... «Очень полезно для сада. От него мясо-деревья растут. А теперь покажу тебе хорошее место...» Он ведет Одри по крутой тропинке на открытую площадку у одной из пирамид... В выдолбленных в скале нишах Одри видит лозы с телами людей. От фигур веет отстраненным растительным покоем... «Это место виноградных людей... очень мирное, очень тихое. Они давно-давно тут живут. Корни уходят в сад внизу».

Восходящее солнце бьет Одри в лицо

Свет утренней зари на голом юноше готовящемся нырнуть в пруд.

Тысяча японских юношей прыгают с балкона в круглый бассейн.

Одри принимает душ. Вода стекает по тощему животу. У него встает.

Пятиуровневый туалет в раздевалке увиденный с колеса обозрения... мелькание белых ног блеск лобковых волос худых загорелых рук... мальчики мастурбируют под ржавыми

головками душей.

Голый мальчик на желтом стульчаке солнечный свет на лобковых волосах подергивающаяся ступня.

Мальчики мастурбируют в унылых туалетах средней школы в отхожих местах во дворе в раздевалках... мельтешение плоти.

Фарджа испускает глубокий вздох и откидывается на спину прижимая колени к груди. Азотистые испарения поднимаются из розовой прямой кишки оранжевыми цвета сепии розовыми завитками.

Красные испарения окутывают два тела. Крик роз срывается с опухших губ роз прорастающих сквозь рвущие плоть шипы восторга стиснувшего трепещущие тела придавившего их задыхающихся в корчах агонии роз.

То что происходит у меня между ног как прохладный напиток... для меня это именно такое ощущение... холодные круглые камни у меня на спине солнечный свет и тень Мехико. Ощущение между ног навроде покалывания. Благодаря этому ощущению я понимаю что вообще существую.

Мы сидим на корточках наши колени соприкасаются. Кики смотрит вниз между ног смотрит как у него встает. Я чувствую зуд в паху и у меня тоже встает.

...трупы. Под электронным микроскопом видны клетки, нервы, кость.

В телескоп видны звезды планеты и космос. Щелк – микроскоп. Щелк – телескоп.

На самом деле его там не было. Бледная картинка бледная. Я видел сквозь него. В следующей жизни дарю тебе тот адрес где жил когда-то за то запоздалое утро.

Молодые призраки размытые лица мальчики и старый негатив 5 февраля 1914 года.

Я не человек и я не животное. Я здесь ради чего-то, что-то должен сделать перед тем как уйти.

Мертвецы вокруг словно птичьи трели дождем льются мне в лицо.

Полет гусей по светящемуся пустому небу... Питер Джон С... 1882–1904... смерть ребенка давным-давно... холодный далекий дух его мира теней... Я ждал бледный персонаж в чьем-то чужом романе дышащий старыми бульварными журналами. Чуть поверни лицо глаза-незабудки... ми-молетная серебряная улыбка растаяла в воздухе... Больше мальчик не говорил.

Холодные звезды расплескивают далекие игрушки пустого дома. Печальные шепчущиеся призраки превращаются в кучеров и зверей из сновидений туман с озера выцветшие семейные фотографии.

Музейный барельеф бога Амона с эрекцией. Тощий мальчик в форме начальной школы стоит перед божеством. В туалете музея мальчик спускает штаны фаллическая тень на дальней стене.

Все Боги Египта. Бог Амон мальчик оскал зубов тяжелое дыхание.

Ясный свет на мраморных портиках и фонтанах... Боги Греции... Меркурий, Аполлон, Пан...
Свет впитывается в красные стены Марракеша.

*Le gran luxe*³⁹

3 апреля 1989 года, Марракеш... Неосвещенные улицы, повозки с карбидно-желтыми фонарями. Похоже на гравюру 1890-х годов к изданию дневников какого-нибудь путешественника. Ватаги диких мальчиков на улицах, злобных, как голодные псы. Полиции почти не существует, и у каждого, кто может их себе позволить, есть телохранители. Мой марракешский связной любезно одолжил мне двух надежных нубийцев и подыскал приличное жилье.

³⁹ Сверхроскошь (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.